

Зеленин Дмитрий Константинович

Очерки русской мифологии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Константинович З.**
Очерки русской мифологии / Зеленин Дмитрий Константинович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 330 с.

ISBN 978-5-519-85993-6

ISBN 978-5-519-85993-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

	СТРАН.
§ 45: Образъ и наружность русалокъ	152—162
§ 46: Бытъ русалокъ: одежда, пища, часы ихъ появленія, общественныя и семейныя отношенія	162—167
§ 47: Занятія русалокъ и отношеніе ихъ къ людямъ	167—188
§ 48: Русалки — нечистыя	188—191
§ 49: Обереги отъ русалокъ	191—196
§ 50: Заключение о русалкахъ: сходство ихъ съ деревенскими женщинами и съ заложными покойниками, съ древне-греческими сиренами; турецкая албаста; полудница; лѣшіе и водяные; чѣмъ питались, въ народныхъ повѣрьяхъ, подробности о житьѣ-бытьѣ русалокъ	196—209
§ 51: Русалки-лихорадки	210—217

Глава 6-я. Русальскіе обряды:

§ 52: Поминки русалокъ и жертвы имъ	217—221
§ 53: Время и названія русальскихъ праздниковъ	221—237
§ 54: Проводы русалокъ	237—253
§ 55: Похороны русалки	253—253
§ 56: Похороны Костромы, чехони, Ярила и т. п.	253—259
§ 57: Русалки въ купальскихъ обрядахъ	259—261
§ 58: Семицкіе вѣнки и крещеніе кукушекъ	261—277
§ 59: Заключение о русальскихъ обрядахъ	277—282

Заключеніе: сравненіе заложныхъ покойниковъ и русалокъ; не-
удовлетворенные покойники 283—285

Дополненія и поправки 286—305

Азбучный указатель главныхъ предметовъ 306 и слѣд.

СОКРАЩЕНІЯ.

АГО.	Рукописи, хранящіяся въ ученомъ архивѣ И. Р. Географическаго Общества.
б. ч.	большею частью.
выше	настоящій первый выпускъ „Очерковъ русской мифологіи“.
Губ. Вѣд.	Губернскія Вѣдомости.
Жив. Стар.	Живая Старина.
ИОЛЕАЭ.	Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
м. б.	можетъ быть.
м. пр.	между прочимъ.
ниже	Очерки русской мифологіи, вып. I и дальнѣйшіе.
с.	страница.
Сборн.	Сборникъ.
ст.	статья.
у.	уѣздъ.
Этн. Обзор.	Этнографическое Обзорѣніе.
Этн. Сборн.	Этнографическій Сборникъ И. Р. Географическаго Общества.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣто 1909-го я посвятилъ этнографическому и антропологическому обслѣдованію „бесермянъ“—малолюдного народа неизвѣстнаго пока происхожденія, живущаго въ Вятской губерніи. Изъ описанныхъ мною при этомъ обслѣдованіи бесермянскихъ повѣрій и обрядовъ особенное мое вниманіе обратилъ такъ называемый „куяськонъ“ (§ 14), т. е. особый видъ жертвы, приносимой (точнѣе говоря: бросаемой, откуда и названіе этой жертвы: бросаніе) съ пренебреженіемъ, со страхомъ и съ ненавистью.

Такія пренебрежительныя и явно вынужденныя жертвы были мнѣ и ранѣе извѣстны изъ быта вотяковъ (§ 13), но въ бесермянскихъ обрядахъ особенно ясно и выпукло обрисовались какъ поводы къ принесенію этихъ своеобразныхъ жертвъ, такъ и особенно—природа тѣхъ существъ, которымъ эти жертвы приносятся. Эти существа—обыкновенные люди, умершіе преждевременно неестественною смертью: мельничиха Орина, разбившаяся на смерть при паденіи съ дерева, младенцы-выкидыши, убитыя семьей неизвѣстнаго народа. Этимъ невиннѣйшимъ, казалось бы, лицамъ бесермяне приносятъ теперь своеобразныя жертвы—„бросанія“; этимъ лицамъ приписываютъ появленіе у себя разныхъ болѣзней.

Разысканье соотвѣствующихъ повѣрій и обрядовъ у русскаго народа и его сосѣдей привело меня къ соображеніямъ и выводамъ, отошедшимъ довольно далеко отъ бесермянскаго куюськона. Моя статья объ этомъ куюськонѣ довольно неожиданно для меня самого разрослась въ изслѣдованье, которое я напечатать въ „Живой Старинѣ“ 1911 года подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о русалкахъ. Культъ покойниковъ, умершихъ неестественною смертью, у русскихъ и у финновъ“ (с. 357—424).

Изслѣдованія мои въ томъ же направленіи продолжались и послѣ напечатанья указанной статьи, тѣмъ болѣе, что одно время я поставилъ себѣ задачею дать по возможности исчерпывающее изложеніе всѣхъ языческихъ вѣрованій русскаго народа, поскольку онѣ сохранились въ наше время.

Съ годами, однако же, эта моя надежда дать исчерпывающее изученіе русской міеологіи отходила все дальше и дальше. Не надѣясь болѣе довести до конца этотъ громадный трудъ, я рѣшилъ сдѣланное мною обнародовать въ видѣ отдѣльныхъ „очерковъ“.

Въ первомъ выпускѣ этихъ „Очерковъ“ я предполагалъ помѣстить шесть статей о разныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ русскаго народа, и въ первую голову — ту свою статью, на которую меня въ свое время натолкнуло изученіе бесермянскаго крѣстьяна.

Въ этой статьѣ мнѣ удалось установить новый научный выводъ, который въ случаѣ, если онъ не будетъ отвергнутъ учеными изслѣдователями, будетъ имѣть большое значеніе не только въ русской міеологіи, но и въ общей сравнительной этнографіи. Онъ можетъ вызвать большія перемѣны въ принятомъ теперь наукою ученіи о культѣ мертвыхъ вообще. Разумѣю выводъ о томъ, что умершіе дѣлятся, въ народныхъ вѣрованьяхъ, на два рѣзко отличныхъ разряда: умершіе предки съ одной стороны и умершіе преждевременно неестественною смертію — съ другой. На это обстоятельство ни русскіе, ни иностранные изслѣдователи не обращали до сихъ поръ должнаго вниманія.

Печатанье настоящей книги совпало съ неблагопріятными обстоятельствами: съ крайнею дороговизною бумаги и типографскихъ работъ, а также и съ моимъ переселеніемъ въ гор. Харьковъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ намѣченный первоначально планъ изданія оказался невыполнимымъ, и измѣненъ былъ уже во время печатанья.

Предполагалось первоначально включить въ эту книгу *шесть* отдѣльныхъ статей: 1) „Умершіе неестественною смертію и русалки“; 2) „Жертвы умершимъ предкамъ“. (Въ эту вторую статью должны были войти также два моихъ напечатанныхъ уже ранѣе очерка: „Народный обычай грѣть покойниковъ“ и „Русскіе народные обряды со старою обувью“); 3) „Запретныя [по міеологическимъ основаніямъ] слова въ русскомъ языкѣ“; 4) „Обыденные предметы и происхожденіе идеи обыденности“; 5) „Народные обряды со страдательнымъ положеніемъ жреца“ и 6) „Вятская троецъпятница, въ связи съ иными праздниками въ честь животныхъ“.

Перечисляю здѣсь заглавія этихъ статей главнымъ образомъ потому, что на нѣкоторыя изъ нихъ (между прочимъ, на статью „Запретныя слова въ русскомъ языкѣ“, пока нигдѣ не напечатанную) не разъ дѣлаются въ предлагаемомъ „Очеркѣ“ ссылки, которыя могутъ повести къ недоумѣнію у читателей.

Изъ шести названныхъ статей четыре уже были напечатаны прежде въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ какомъ отношеніи новое изданіе ихъ стоитъ къ прежнему, объ этомъ можно судить по примѣру настоящей статьи:

размѣръ ея увеличился въ пять разъ противъ прежняго изданія (въ „Живой Старинѣ“ 1911 года), между тѣмъ я еще не включилъ сюда напечатанный въ первомъ изданіи (с. 403—405) вводный очеркъ о постройкѣ мостовъ во время моровыхъ повѣтрій, чему я намѣренъ посвятить въ будущемъ особую статью.

Не теряя пока надежды на продолженіе изданія „Очерковъ“ въ будущемъ, обращаюсь къ уважаемымъ русскимъ этнографамъ съ покорнѣйшею просьбою подвергнуть настоящій выпускъ подробному разбору съ точки зрѣнія методовъ и приѣмовъ изслѣдованія, чтобы въ дальнѣйшихъ очеркахъ мнѣ не повторять ошибокъ перваго.

Въ заключеніе долгомъ своимъ считаю высказать здѣсь свою глубокую благодарность Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, оказавшему мнѣ денежное пособіе для напечатанія настоящаго труда.

Д. Зеленинъ.

Августъ 1916 года.

Петроградъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Методъ сравнительной этнографіи у насъ пока нельзя назвать особенно выработаннымъ и вполне точнымъ. Соотвѣтствуя вообще методу сравнительнаго языковѣдѣнія, онъ невыгодно отличается отъ этого послѣдняго своимъ пренебреженіемъ къ исторіи и хронологіи.

Сравнительное языковѣдѣніе строго различаетъ исконное родство сравниваемыхъ разноразличныхъ словъ отъ сходства такихъ словъ вслѣдствіе болѣе или менѣе поздняго заимствованія. Исконное родство признается только между языками несомнѣнно общаго происхожденія, напр. между языками индоевропейскими, семитическими, финскими, турецкими и т. п. Полное сходство звуковъ и значенія, положимъ, русскаго слова съ арабскимъ или негритянскимъ, японскимъ и т. п. словомъ еще отнюдь не считается доказательствомъ единого и общаго происхожденія этихъ словъ, если въ данномъ случаѣ нельзя думать о заимствованіи. И при сравненіи словъ изъ исконно родственныхъ между собою языковъ необходимо предварительное изученіе исторіи сравниваемыхъ словъ и звуковъ на родной почвѣ даннаго языка. Сравненіе удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ только тогда, когда сравниваются факты одной и той же эпохи. Для сравненія русскаго слова съ французскимъ необходимо возсоздать съ одной стороны праславянскую форму даннаго слова и съ другой стороны прароманскую, и уже сравнивать только праславянское слово съ прароманскимъ.

Ничего подобнаго въ сравнительной этнографіи нѣтъ. У насъ часто сравниваютъ современные русскіе обычаи, повѣрья и обряды со сходными, на первое впечатлѣніе, обычаями и обрядами полинезійцевъ, американскихъ индѣйцевъ, негровъ и т. п., совѣмъ не касаясь вопроса объ исторіи и сравниваемого русскаго обряда или вѣрованія, ни полинезійскаго.

Правда, сравнительное народовѣдѣніе занимается гл. обр. „переживаніями“, т. е. какъ бы геологическими окаменѣlostями, о хронологіи которыхъ можно говорить развѣ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Но даже и изъ числа этихъ „переживаній“ многое еще проявляетъ, въ современномъ народномъ міровоззрѣніи, извѣстную жизнь, видоизмѣняется подъ влияніемъ новыхъ воззрѣній и обрядовъ, получаетъ новое толкованье, и т. д. и т. д.

Конечно, въ области народныхъ обрядовъ и повѣрій немало такого, что нужно признать общечеловѣческимъ; но это большею частью лишь общіе принципы и самые основные элементы. Отдѣльныя же явленія народной жизни, какъ бы просты онѣ ни были, всегда и необходимо имѣютъ болѣе или менѣе длинную исторію на почвѣ данного отдѣльнаго народа, въ теченіе которой (исторіи) онѣ могли весьма сильно, иногда до неузнаваемости, измѣниться. А эти видоизмѣненія, конечно, должны были происходить у разныхъ народовъ неодинаково, соотвѣтственно съ разнообразными условіями общаго уклада жизни каждаго даннаго народа. И сравнивать явленія народного быта у разныхъ, отдаленныхъ одинъ отъ другого и по происхожденію не родственныхъ, народовъ безъ всякой справки съ прошлымъ, съ исторіею—часто бываетъ также бесплодно, какъ сравнивать зырянскія слова съ японскими или олонѣцкія съ санскритскими.

Прежде чѣмъ приступить къ сопоставленію этнографическихъ данныхъ изъ жизни одного народа со схожими фактами изъ этнографіи другого народа,—прежде такого сопоставленія мы считаемъ необходимымъ *выяснить исторію данныхъ фактовъ* у обоихъ этихъ народовъ. Только послѣ такого *историческаго* изученія этнографическое сравненіе получить для себя необходимую подготовку и пріобрѣтетъ смыслъ.

Современные народные обряды, повѣрья и мифологическіе образы часто такъ перепутались, смѣшались между собою, подверглись разнымъ стороннимъ вліяніямъ, что выясненіе исторіи каждаго даннаго факта на родной почвѣ—задача весьма не легкая. И желательно, чтобы такія работы выполнялись специалистами по этнографіи отдѣльныхъ народовъ, въ качествѣ задачъ самоудовлѣющихъ. Проникнуть одинаково глубоко въ жизнь многихъ и различныхъ народовъ земного шара одному обыкновенному человѣку не дано. И если отъ каждой этнографической работы требовать, чтобы она широко пользовалась сравнительнымъ методомъ, то мы не избѣжимъ ни въ одной изъ своихъ работъ весьма крупныхъ ошибокъ до тѣхъ поръ, пока этнографія отдѣльныхъ народовъ не будетъ изучена гораздо полнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ это сдѣлано теперь.

Задачею своихъ „очерковъ русской мифологіи“ я поставилъ изученіе обрядовъ и мифологическихъ образовъ русскаго народа прежде всего на русской же почвѣ. Возможно полное собраніе однородныхъ данныхъ изъ разныхъ мѣстностей, обитаемыхъ русскими, сопоставленіе этихъ данныхъ между собою и съ свидѣтельствами историческихъ памятниковъ—должны выяснить намъ *исторію* каждаго даннаго обряда и образа *на русской почвѣ*. Если потребуется сопоставленіе болѣе или менѣе выяснивагося уже русскаго обряда или образа со схожими данными изъ этнографіи другихъ народовъ, то необходимымъ считаю предварительно уяснить, насколько возможно, природу

и исторію также и этого, сопоставляемаго, инонароднаго обряда или образа.

При такихъ сопоставленіяхъ главное вниманіе обращаю на племена, и зд ав н а с о с ѣ д и в ш і я съ русскимъ народомъ. Давнее сосѣдство двухъ народовъ дѣлаетъ возможнымъ широкое взаимное вліяніе въ бытѣ этихъ народовъ и, кромѣ того, предполагаетъ большее или меньшее сходство или даже единство условій и обстановки, при которыхъ протекала народная жизнь.

Давнее сосѣдство народовъ часто имѣетъ, повидимому, въ этнографіи даже больше значенія, чѣмъ единство ихъ происхожденія. По крайней мѣрѣ, напримѣръ, многіе финскіе народы и нѣкоторые турецкіе (гл. обр. отуреченные финны) сохранили много лучше нѣкоторыя черты славянской мифологіи, нежели иные славянскіе и индоевропейскіе народы.

Мы пока не знаемъ, всегда ли это близкое сходство русской и финской мифологіи основано на заимствованіи—другъ ли ото друга или изъ общаго третьяго источника. Не исключена возможность, что языческая религія финновъ и русскихъ была въ старину во многомъ сходною, и только въ послѣдствіи восточные финны заняли много мифологическихъ образовъ и обрядовъ (начиная съ пресловутаго керемета) отъ чужихъ турецкихъ народовъ, причемъ въ финское языческое міровоззрѣніе проникло немало арабскихъ и турецкихъ элементовъ.

Подобнымъ образомъ, въ наше время мы встрѣчаемъ немало общихъ чертъ въ шаманской религіи разноплеменныхъ народовъ Сибири, среди которыхъ есть и угры, и самоѣды, монголы, турки, тунгусы и палеазиаты.

Въ древности языческіе боги и духи такъ часто почитались богами-покровителями отдѣльныхъ опредѣленныхъ *мѣстностей*, а потому сосѣдніе народы, соприкасаясь съ извѣстною мѣстностью, долгомъ своимъ считали приобщиться къ культу даннаго божества, т. е. выполнять тѣ же обряды, которые выполняются по отношенію къ этому божеству чужимъ, но сосѣднимъ народомъ.

„Двоевѣріе“ въ старину было весьма широко распространеннымъ явленіемъ и не только въ случаяхъ принятія христіанства. Принципъ его: „Богу-то угождай, да и *чорта-то* [а чертями часто считаются и инонародные боги] не гнѣви!“—это правило двоевѣрія сохранилось въ русскомъ народѣ и поднесъ.

По замѣчанію одного прекраснаго знатока вотяковъ, этнографа Первухина, вотяцкіе „*мурт'ы*“ имѣютъ весьма мало отличія отъ русскихъ *лѣшихъ*, *водяныхъ* и т. п., почему теперь почти невозможно разобрать, гдѣ кончается вотскій миѳъ и начинается русское повѣрье“¹⁾.

¹⁾ Н. Первухинъ, Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго у. 1. Вятка, 1888. с. 71.

Кромѣ того, финны позаимствовали немало русскихъ обрядовъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Принявъ христіанство, они, конечно, не знали, какіе обряды, выполняемые ихъ русскими сосѣдями, собственно христіанскіе, освященные церковью, и какіе внѣ-церковные. Послѣдніе они приняли даже скорѣе и легче, по простому подражанію; въ качествѣ болѣе употребительныхъ, они считались, вѣроятно, у новообращенныхъ и болѣе дѣйствительными. Такъ воспринята, напримѣръ, многими финнами *коляда* (обычай колядованія), обычаи съ освященной вербой, вьюнины, обряды съ общинною свѣчею и т. п.

Остановимся, для примѣра, на обрядахъ съ общинною свѣчею, которые для насъ въ данномъ случаѣ особенно характерны. Обряды эти сохранились у бѣлоруссовъ и кое-гдѣ въ Калужской губерніи, а въ другихъ мѣстахъ совершенно вымерли. Но мордва сохранила ихъ какъ разъ тамъ, гдѣ о русскихъ обрядахъ давно уже никто и ничего не знаетъ. И что же? И наши миссіонеры, и наши этнографы-финнологи считаютъ теперь мордовскіе обряды съ общинною свѣчею остаткомъ мордовскаго язычества!

Не останавливаясь на подробностяхъ, укажемъ только, гдѣ читатель можетъ найти свѣдѣнія о русской и мордовской общинной свѣчѣ ¹⁾.

Здѣсь мы находимся случайно въ счастливыхъ условіяхъ, точно такъ же какъ и въ вопросѣ о финской полудницѣ (см. ниже § 50): русскій обрядъ сохранился только на крайнемъ западѣ; если бы онъ былъ извѣстенъ теперь также русскимъ *сосѣдямъ* мордвы, то наши этнографы давнымъ-давно признали бы его заимствованіемъ отъ финновъ, и разрушить это недоразумѣніе было бы весьма не легко, если только возможно.

Мы думаемъ, что русскіе этнографы иногда напрасно обращаются, за объясненіемъ русскихъ обрядовъ, къ западно-европейскимъ народамъ. Хотя на западѣ Европы народныя обряды и повѣрья *изучены* вообще лучше, чѣмъ у насъ, но за то тамъ *сохранились* они много хуже, сильно затемнены вѣковыми куль-

¹⁾ Бѣлорусскіе обычаи описаны въ книгѣ Дембовецкаго: Опытъ описанія Могилевской губерніи, I, 494, 630, 634; срв. Сборникъ II Отдѣленія И. Академіи Наукъ, т. 72, с. 174 и слѣд.; АГО. XXXVIII, 23, сообщеніе священника Гр. Соколова о селѣ Хохловѣ, Смоленскаго у. (Здѣсь мірская свѣча въ рубашкѣ, пользуется „великимъ уваженіемъ“. Изложено будетъ въ третьемъ или четвертомъ выпускѣ моего „Описанія рукописей“). О братской свѣчѣ Калужской губ. см. Зеленинъ, Описаніе рукописей ученаго архива Географ. Общ. 574—5. Срв. С. В. Максимовъ, Нечистая, невѣдомая и крестная сила, 477.—Соотвѣтствующіе мордовскіе обряды подробно описываетъ М. В. Евсевьевъ въ статьѣ: Братчины и другіе религиозные обряды мордвы Пензенской губерніи (Живая Старина, 1914, с. 5—10 и др.). Срв. В. Н. Майноровъ, Предварительный очеркъ имѣющихся въ литературѣ свѣдѣній о мордвѣ (Извѣстія Географич. Общ. XIII, 1877, № 2, отд. 2, с. 90—113).—Схожіе обряды отмѣчены мною у бесермянъ, но въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто свѣчи — особаго рода посохъ-палка.